

Поначалу Ма Шу не понимала, что означают эти слова, и даже не могла определить, что именно с ней произошло.

Понимание нынешнего состояния складывалось постепенно, вывод за выводом, через боль.

Сначала она решила, что у неё развилось какое-то психическое заболевание и сама она стала чем-то вроде второй личности. Но это явно не соответствовало здравому смыслу: Ма Шу всегда была здорова, в последнее время не переживала никаких серьёзных потрясений, и причин для внезапного появления такого расстройства не было.

Постепенно, наблюдая за тем, как внешняя «Ма Шу» проявляет «любовь» к Фан Юаньвану, она начала подозревать неладное и всё ближе подходила к истине.

В день, когда Ма Шу наконец поняла, что Бай Юй отняла её тело, Бай Юй впервые заговорила с ней.

Ма Шу спросила: раз Бай Юй всё это время слышала её, почему раньше не отвечала ни слова и зачем вообще захватила её тело?

Бай Юй весело рассмеялась голосом самой Ма Шу:

— Конечно, потому что так интереснее. Смотреть, как ты всё гадаешь и гадаешь, было до смешного весело. Несколько раз я едва не расхохоталась вслух.

— Ты...

— Что «ты»? Теперь не «ты», а «мы». Мы, — в голосе Бай Юй звучало почти гипнотическое внушение. — Теперь мы делим одно тело. Пока ты мне не наскучишь, твоя душа временно не исчезнет. Я даже могу ненадолго позволять тебе самой управлять телом...

— П-правда? — Ма Шу уже больше двух недель не могла ни с кем поговорить. Она могла лишь беспомощно смотреть, как родители заботятся о фальшивой дочери, а потом тревожно и мучительно вглядываются в неё. Ей до безумия хотелось хотя бы поговорить с ними, прикоснуться к ним.

— Правда. Но только... когда я захочу тебя выпустить.

Голос Бай Юй вдруг стал ещё веселее. К концу она уже согнулась от смеха, словно заранее увидела нечто невероятно забавное.

На следующий день мать Ма, измученная тревогой, принесла в комнату дочери тарелку свежего очищенного мангостина. Сдвинув брови, она поставила фрукт на стол и спросила:

— Шушу, мама почистила твой любимый мангостин. Иди, поешь немного?

Бай Юй подняла тело с места и села за стол.

Мать Ма придвинулась чуть ближе, посмотрела на мангостин и осторожно спросила:

— Шушу, ты ведь говорила, что собираешься признаться... Как всё прошло?

Мать Ма была обычным человеком и, как бы ни старалась, не умела скрывать всё, что чувствовала.

Бай Юй сразу уловила в вопросе проверку и вдруг сказала Ма Шу внутри сознания:

— Сейчас я выпущу тебя и позволю сказать маме несколько фраз. Но правду раскрывать нельзя. Более того — ты обязана заставить её поверить, что я и есть настоящая ты. Веди себя хорошо. Иначе я прямо у тебя на глазах убью их обоих.

— Мы так давно общаемся, что нас уже можно считать друзьями. Ты же знаешь: я всегда выполняю обещания, — лениво добавила Бай Юй.

Но Ма Шу прекрасно знала: эта сумасшедшая действительно способна и сказать такое, и сделать.

В следующий миг она почувствовала, будто её сознание, как напившаяся водой губка, начинает раздуваться и расширяться, всё плотнее совпадая с очертаниями собственного тела. Постепенно кончик её пальца, лежавший на мякоти мангостина, почувствовал лёгкую влажность.

Вернув контроль над собственным телом, Ма Шу изо всех сил подавила желание разрыдаться и серьёзно сказала матери:

— Я... пока не хочу об этом говорить. Давай потом, хорошо?

Мать внимательно смотрела на неё.

Ма Шу отвела взгляд от этой тревожной проверки, всеми силами сдерживая жжение в глазах. Машинально взяла наполовину очищенный мангостин и откусила белую дольку. Ма Шу всегда ела мангостин не по порядку: одну дольку съедала, следующую пропускала, затем снова съедала. Так обходила весь плод по кругу, а оставшиеся дольки съедала уже вместе. Эта привычка появилась ещё в детстве.

Увидев знакомое движение дочери, мать Ма постепенно успокоилась, а выражение её лица стало мягким и любящим.

«Это моя Шушу, — подумала она. — Шушу просто расстроена. Все эти ужасные подозрения неправда».

Когда выражение лица матери изменилось, Ма Шу почувствовала, как её сознание начинает бесконечно сжиматься — словно из губки снова выжали всю воду, возвращая её в пустоту.

Боль разлилась повсюду.

Только что собственными руками она подарила матери самую жестокую надежду на свете.

Ма Шу металась, каталась, кричала и рыдала. В темноте из глаз лились слёзы, она захлёбывалась истерикой, а в реальности её тело просто спокойно сидело за столом, опустив глаза. На губах играла улыбка — Бай Юй наслаждалась вкусом этого крушения.

После того случая Бай Юй часто специально позволяла Ма Шу ненадолго становиться собой, а сама словно сверху наблюдала, как целая семья из трёх человек пляшет на её лад, и хохотала.

*

Ночь постепенно сгущалась. Гул поздравлений и выпивки становился тише. Банкет подходил к концу, гости начали расходиться. Фан Хэн тайком отвёл Ци Гу и остальных в соседний с номером новобрачных люкс, а сам вместе с молодожёнами и родителями Ма продолжил провожать гостей.

Трое родителей уже знали правду, но всё ещё всеми силами изображали добрую, гармоничную семью.

Фан Хэн в жизни повидал многое. К тому же он знал, что сейчас Фан Юаньвану, скорее всего, не угрожает смертельная опасность, поэтому держался совершенно невозмутимо. Актёрские способности супругов Ма были гораздо хуже, но последние месяцы они и так жили на нервах, поэтому их напряжение не выглядело особенно странно.

Когда гостей осталось совсем немного, Фан Хэн сам взял на себя проводы, а потом с отеческой заботой сказал Фан Юаньвану и Ма Шу:

— Вы сегодня весь день на ногах, наверняка устали. Идите лучше пораньше отдыхать. Остальное оставьте мне и секретарю.

После уговоров Фан Юаньван и Ма Шу, держась за руки, чинно ушли к лифту.

Когда их фигуры окончательно исчезли из виду, улыбка Фан Хэна пропала. Он встретился взглядами с супругами Ма:

— Теперь всё зависит от мастера Ци. Нам остаётся только ждать... Если мы сейчас поднимемся, лишь создадим мастерам лишние проблемы.

Родители Ма тоже понимали это, поэтому, хотя от тревоги их уже почти тошнило, не пошли вслед за молодожёнами проверять номер.

*

Едва войдя в комнату, Фан Юаньван по настоянию Ма Шу отправился в ванную. Он снял жёсткий костюм, который носил весь день, расстегнул рубашку и, опустив голову, обнаружил прямо на груди отпечаток талисмана, нарисованный киноварью.

Если память не изменяла... именно в этом месте находился карман, куда он положил талисман мастера Ци.

Фан Юаньван быстро поднял пиджак, лежавший рядом, достал из кармана талисман — и с первого взгляда увидел, что жёлтая бумага стала совершенно пустой. Все киноварные знаки с неё переместились ему на грудь.

Он машинально поправил очки и посмотрел на душевую лейку.

С другой стороны матовой двери ванной издали донёсся приглушённый голос Ма Шу:

— Юаньван, почему ты ещё не начал мыться?

Почему-то в этих словах ему послышалось нетерпение.

В голове мгновенно возникла масса предположений. Фан Юаньван уставился на красный рисунок у сердца, поколебался несколько секунд и включил душ.

Вода зашумела, но сам Фан Юаньван стоял к струям спиной и осторожно сворачивался так, чтобы защитить талисман на груди и не намочить его ни каплей.

В то же время в гостиной, за одной лишь матовой стеклянной дверью от Фан Юаньвана, «Ма Шу» стояла у чёрного окна.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949239>